

Небо едва начало светлеть, когда Сяо И и Сунь Цян вошли в город Хуайян.

Столица префектуры была куда богаче и оживлённее Таоли. Широкие улицы позволяли четырём конным экипажам ехать бок о бок. По обеим сторонам теснились магазины, высоко поднимались многоэтажные здания, а крытые галереи и переходные мостики казались творением искусного мастера.

В «Фулай-лоу» и «Бафан-лоу» всегда было полно посетителей. Туда-сюда ходили приезжие чужеземцы из дальних земель, не жалея золота и серебра. У многих были густые бороды и голубые глаза, а речь их было невозможно понять.

Дация с любопытством глазел по сторонам:

— Ты посмотри на них. Что они там кудахчут, будто куры с утками? Все в золоте и драгоценностях, и не боятся, что их ограбят. А рядом ещё коротышка какой-то сумки таскает, заискивает так, будто перед родным отцом.

— Они из-за моря, — ответил Сяо И. — В прошлом году императорский двор открыл морскую торговлю, теперь бородатых чужеземных купцов, приезжающих торговать в Центральные равнины, стало как волос на быке. Хуайян богатый город, ничего удивительного. А тот низкорослый рядом, похоже, из государства Во - прислуживает им и бегаёт по поручениям.

Дация презрительно уставился на коротышку:

— Хм, бесхребетный прихвостень.

Товары, привезённые заморскими купцами, были диковинными, но и со всех концов Центральных равнин сюда стекалось немало редкостей. Фонари с вращающимися картинками, лotosовые фонари, фонари в виде зверей; ароматические мешочки, фигурки из полыни, пятицветные шнурки со свистками; тряпичные тигры, воздушные змеи, фигурки Туэр-е. А уж о городской еде и говорить нечего. Крупные рестораны выставляли вывески с тушёной свиной Дунпо, крабовым мясом в апельсине, жареным мясом на углях и прочими блюдами - говорят, одно такое стоило по несколько сотен вэней. А всякие пельмешки-гудоур с перепелами, «десять видов сладостей» и пирожные цзаоэр давно уже никого не удивляли.

Сяо И успел заметить: даже ночью здешние магазины были полны посетителей. В городе не было ночного запрета на передвижение - были бы деньги, можно гулять с ночи до самого рассвета. Заработать здесь, конечно, можно было немало, но одна только аренда помещения обходилась в тридцать-сорок лян серебра. Простым людям вроде них о таком и думать не стоило. Правда, на жилых улицах помещения сдавались дешевле - за один лян серебра можно было снять лавочку на месяц. Только покупателей там почти не было, так что оставалось торговать овощами, мясом и яйцами, зарабатывая лишь на пропитание семьи.

Они не стали терять времени и ускорили шаг, направляясь в переулок Пинъань. Там передали

вещи заказчика по указанному адресу, а получатель поставил отпечаток пальца. На этом разовое поручение по сопровождению груза считалось выполненным.

Восемьсот вэней оказались у него в руках. Сяо И подбросил кошелёк, и красивое лицо озарилось радостью от заработка: всего три дня в пути - и восемьсот вэней, куда выгоднее, чем таскать тяжёлые тюки на пристани.

Дацянь закинул ему руку на плечо и тут же начал обсуждать, куда бы им сходить развлечься. В столице префектуры интересных мест хватало.

— Интересно, остались ли в переулке Тунъань прошлогодние уличные артисты? Или можно в Байшифан - там ставят большие представления, — он вертел головой по сторонам, уже ослеплённый всей этой суетой и весельем.

Мимо прошли несколько фуланов, одетых в самые модные в Хуайяне ткани. На лицах пудра и румяна, губы подкрашены алым. Когда они смеялись и разговаривали, прикрывались круглыми веерами и улыбались, не показывая зубов. Сяо И лишь машинально взглянул и больше не стал разглядывать чужих людей. Говорили, что жители столицы префектуры любят наряжаться, и, похоже, так оно и было. Многие здешние вещи в уездных городках вовсе не продавались.

— Раз уж приехали, надо заодно купить кое-что и привезти обратно, чтобы не зря съездили, — негромко сказал Сяо И. — Например, румяна и пудру. В столице префектуры есть новые виды, которых в Таоли нет. Ещё недавно появилась ткань из узорчатого хлопка, куда красивее обычной уездной. Вот это и возмём: купим здесь за один вэнь, а у себя продадим за два.

Мода в Хуайяне менялась чуть ли не каждый день. Раз уж покупать, то стоило выбирать то, чего у них дома ещё не было, тогда людям покажется диковинкой.

Подойдя к лавке с румянами и пудрой, они увидели, что туда входили и выходили почти одни девушки и гэры. Двое молодых мужчин среди них особенно бросались в глаза. О Сяо И и говорить нечего - у него от природы красивое лицо. Дацянь уступал ему разве что немного, но тоже был высоким, крепким и приятной наружности. Немало девушек и гэров украдкой поглядывали на них и краснели. Молодым людям естественно любоваться привлекательными ровесниками.

У прилавка один смелый молодой гэр неотрывно смотрел на Дацяня. Он теребил платок, слегка смущаясь, и глядел на него томными, будто осенние воды, глазами. Одет был богато, лицом тоже хорош - похоже, гэр из зажиточной семьи. Дацянь поднял глаза и сразу его заметил. Спутники молодого гэра принялись многозначительно переглядываться и подтолкнули его вперёд, так что тот, застенчиво улыбаясь, подошёл к Дацяню.

Дацянь молча выставил мизинец, сунул его в ноздрю и демонстративно поковырялся.

Молодой гэр: ...

Вся застенчивость моментально испарилась. Улыбка ещё застыла у него на лице, но он уже развернулся и ушёл быстрее, чем иной побежал бы.

Сяо И вдоволь насмотрелся на представление и рассмеялся так, что заболел живот. Затем поднял запястье:

— Учись.

На его руке дважды была обёрнута лента для волос Линь Мудуна, завязанная бантиком.

Дацян ткнул его кулаком и пригрозил:

— Только попробуй рассказать Сяньюэ, когда вернёмся.

Сяо И беспомощно покачал головой и усмехнулся. Он сразу направился к прилавку, согнул палец и постучал по столешнице:

— Хозяин, будьте добры, у вас есть что-нибудь для гэров?

Старый лавочник торчал за прилавком и неизвестно чем там тайком занимался. Услышав его, поднял голову и окинул Сяо И взглядом:

— Женился? Для фулана покупаешь?

Сяо И кивнул.

Лавочник понимающе улыбнулся, достал из-под прилавка несколько коробочек разных цветов и выставил их перед ним в ряд. У Сяо И зарябило в глазах. Он совершенно не понимал, где тут румяна, а где помада, и потому спросил прямо:

— Я в этом не разбираюсь. Чем они отличаются?

— Ай-я! — поражённо воскликнул лавочник. — Только-только женился, да? Совсем ещё зелёный.

Он придвинулся ближе и с таинственным видом начал что-то объяснять Сяо И на ухо - это вот так, а это эдак...

Сяо И слушал, и уши у него становились всё краснее. Оказалось, это вовсе не румяна, а вещи, предназначенные для супружеской близости. Неудивительно, что лавочник прятал их под прилавком.

Хотя Сяо И и просматривал раньше несколько весьма красочных книжечек, в подобных делах всё равно разбирался не слишком хорошо. Он дважды кашлянул, скрывая неловкость:

— Вы не так поняли. Я пришёл купить фулану румяна. Это мне не нужно. Просто покажите несколько видов, которые сейчас модны в столице префектуры.

Впрочем, лавочника трудно было винить за ошибку. В лавку входили и выходили почти одни девушки и гэры, а мужчин, которые приходили бы покупать подобные вещи, почти не встречалось. Если уж мужчина сюда заходил, то обычно именно за мазями для супружеских дел.

Лавочник тоже не стал смущаться и тут же повёл Сяо И смотреть румяна и помаду. Сяо И окинул всё взглядом - везде один красный цвет. Где персиково-красный, где алый, где красный заката - он совершенно не различал. В конце концов, тщательно выбирая, он остановился на коробочке оттенка «цветущий персик». Ему вспомнился молодой гэр, которого он видел на улице: тот как раз красил губы подобным цветом - лёгким, нежным. Для Линь Мудуна должно подойти.

Такая маленькая коробочка стоила двести взней. Когда Сяо И расплачивался, взгляд его невзначай скользнул в сторону - те самые коробочки с мазью всё ещё стояли на прилавке. В его глазах что-то мелькнуло. Он поколебался немного, а затем понизил голос и попросил хозяина завернуть ему ещё одну коробочку той мази.

Выйдя из лавки, Сяо И потрогал спрятанные за пазухой две коробочки. На душе было и радостно, и немного совестно.

А Линь Мудун, оставшийся далеко в деревне Сяохэ, обо всём этом даже не подозревал.

Сегодня предстояло разбить грядки под огород: сначала выполоть сорняки, потом разрыхлить землю, полить её и посеять семена. Опасаясь, что осенью и зимой в траве могут прятаться змеи, Линь Мудун сперва тщательно простучал заросли бамбуковым шестом и лишь потом наклонился срезать траву. Участок казался совсем маленьким, но когда он закончил, солнце уже поднялось высоко.

Перед двором теперь всё было голо. Если сажать овощи, вокруг ещё придётся поставить ограду. Но изгородь Линь Мудун решил оставить до возвращения Сяо И, чтобы тот помог её сплести. Сам он пока сделал лишь несколько грядок вдоль стены, посеял редьку и китайскую капусту, а заодно посадил в землю несколько кустиков горца многоцветкового.

В рыхлой почве копошились земляные черви. Линь Мудуну стало любопытно, и он присел посмотреть. Когда один червяк уже почти скрылся в земле, он взял две веточки, зажал его между ними и вытащил - пойдёт курице. В доме была всего одна старая несушка, зато Линь Мудун ухаживал за ней очень заботливо: каждый день давал самую свежую траву и насекомых, а по утрам получал по одному яйцу. Пусть немного, но если откладывать, со временем наберётся целая корзинка. Когда Сяо И вернётся, можно будет пожарить ему яиц.

Линь Мудун снова посмотрел в сторону дороги. Сяо И не было видно. Пришлось снова опустить голову и продолжить работу.

— Дун-гэр, что хочешь на обед? — спросила старушка с кухни, перебирая корзину дикой зелени.

— В корзине ещё остались побеги бамбука. Давай потушим их соломкой с жареным тофу и ещё приготовим на пару тыкву.

Жареный тофу как следует пропитается бульоном, бамбук останется хрустящим и свежим, а сладкая мягкая тыква станет хорошим дополнением - вполне богатый обед.

Сегодня ярко светило солнце, и погода отлично подходила для просушки постелей. Немного поколебавшись, Линь Мудун открыл шкаф Сяо И. Впервые он заглядывал туда. Его собственная одежда лежала отдельно, в маленьком шкафчике. Внутри было не слишком беспорядочно: вещи были разложены по полкам, хоть и сложены довольно небрежно. В самом низу лежало зимнее ватное одеяло. Линь Мудун вытащил постель и понёс наружу, чтобы хорошенько просушить на солнце. Но вместе с ней на пол выпало кое-что ещё, и лицо Линь Мудуна мгновенно вспыхнуло.

Вытаскивая постель, он нечаянно вытащил заодно и нижние штаны Сяо И...

Линь Мудун тут же растерялся, словно испуганный оленёнок, закусил губу и не знал, что делать. Всё-таки это была самая личная вещь мужчины. Но и оставлять её валяться на полу было нельзя - вокруг одна пыль.

К счастью, рядом никого не оказалось. Превозмогая смущение, Линь Мудун поднял нижние штаны Сяо И. Он хотел аккуратно сложить их и вернуть на прежнее место, но стоило взглянуть внимательнее, как Линь Мудун застыл от изумления, широко распахнув глаза. Хорошие штаны были заношены до состояния старой тряпки. Линь Мудун долго ошеломлённо разглядывал эту «тряпку». Швы разошлись, слева и справа зияли две дыры, одна больше другой, и сквозь них пробивался свет снаружи.

В шкафу лежала и другая одежда. Линь Мудун достал всё заодно. Кроме двух целых пар нижних штанов, остальные в той или иной степени были порваны. На некоторых было видно, что их уже пытались чинить, но шитьё оказалось таким неумелым, что стежки шли вкривь и вкось.

Глаза Линь Мудуна увлажнились. Держа эту одежду в руках, он чувствовал тяжесть на сердце. Сяо И с детства растил себя сам. Отца лишился совсем маленьким, потом от него отказалась и родная мать. Никто не учил маленького ребёнка шить, а такие личные вещи и чужому человеку не отдашь на починку. Вот и приходилось самому, как умел, латать и перешивать их, а потом носить год за годом.

Линь Мудун аккуратно сложил остальные вещи обратно, достал из шкатулки одну связку медяков и, выходя, предупредил:

— Бабушка, я схожу к сестре Сяньюэ. Если еда будет готова, не жди меня.

Ли Юйфэнь кивнула. Увидев, как торопливо уходит внук, она не стала расспрашивать. Ребёнок уже вырос, теперь у него на всё были собственные мысли.

У Чэнь Сяньюэ Линь Мудун купил три чи хлопчатобумажной ткани. Потрогал материал - мягкий и приятный, как раз подходил для нательной одежды.

После обеда старушка, утомившись по возрасту, ушла немного поспать. Линь Мудун убрал просушенные зимние постели, вынес стул и уселся под солнцем шить штаны. Он раскраивал ткань по размеру Сяо И и собирался сделать сразу несколько пар, чтобы было что менять и стирать. Нижние штаны шить было нетрудно: всё равно их носили под одеждой, поэтому никакой сложной вышивки не требовалось. Но размер у Сяо И был немаленький - почти как два Линь Мудуна вместе, - поэтому ткани уходило много. От купленных трёх чи почти ничего не осталось.

После того как Сяо И купил ему и бабушке льняную ткань на одежду, сохранилось ещё немного обрезков. Материал был новый, а кусочки хоть и мелкие, всё равно было жалко пускать их лишь на проклейку подошв. Как раз можно было сшить два кошелька. Мужчины, в отличие от девушек и гэров, обычно не любили яркие цвета, так что лучше всего подойдут серый и индиго.

Линь Мудун аккуратно сшил края, а затем вырезал из лоскутков фигурки ласточек и пришил их к кошелькам как аппликации. Получилось даже живее и выразительнее, чем если бы он просто вышил птиц нитками.

Руки у Линь Мудуна были ловкими, вышивка и шитьё не отнимали у него много времени. Когда он закончил, солнце уже скрылось за горизонтом. Он размял затёкшую шею и только тогда заметил, как быстро пролетел день.

Наступал вечер, сумерки становились всё гуще. Мимо ворот один за другим проходили возвращавшиеся с полей крестьяне. За некоторыми бежали дети, весело болтая с родителями о том, какие сладости будут есть вечером. У перекрёстка девушки одного возраста, вместе ходившие стирать, прощались друг с другом и расходились по домам, неся тазы с чистой одеждой.

Линь Мудун то и дело поднимал голову и смотрел на дорогу. Но ни один из проходивших не был Сяо И. Он снова опускал глаза.

Лишь когда совсем стемнело, Линь Мудун в последний раз встал на цыпочки и выглянул наружу, а затем запер ворота и вернулся в дом. На ночь оставлять их незапертыми было

нельзя, к тому же он и сам не знал, когда именно Сяо И вернётся.

— По зятю соскучился? — Старушка всё это время внимательно за ним наблюдала и теперь, поджав губы, тихонько посмеивалась.

Линь Мудун поспешно стал оправдываться:

— Н-нет, я просто смотрел.

Ли Юйфэнь продолжала улыбаться. Она положила на колени корзинку с рукоделием и, подшивая платок, сказала:

— Когда я была молодой, твой дедушка тоже много ездил по свету, с юга на север. Я тогда вот так же каждый день высматривала его, только и надеялась, что поскорее вернётся. Так оно и бывает: живёшь вместе день за днём, и постепенно всё сильнее начинаешь тосковать по человеку, он поселяется у тебя в сердце.

Линь Мудун чуть наклонил голову, в глазах появилась растерянность. Неужели он и правда так сильно тоскует по Сяо И?

Он долго думал, но так и не разобрался. Просто хотел, чтобы Сяо И поскорее вернулся, тогда можно будет отдать ему новые нижние штаны и кошелек.

Ночью Линь Мудун, как и прежде, крепко сжимал травяного кузнечика и свернулся в уголке кровати. Спал он беспокойно. Во сне ему снова пришлось бежать и спасаться, он попал в какой-то странный, причудливый и пугающий мир. А в самый страшный момент вдруг оказался в самых тёплых объятиях. Линь Мудун изо всех сил вцепился в них. Ему было так страшно, так страшно - он боялся, что его снова бросят, оставят одного.

Сяо И, всю ночь спешивший домой, сидел на краю кровати и долго смотрел на своего маленького фулана. Он поднял руку, разгладил нахмуренные во сне брови Линь Мудуна, наклонился и поцеловал его.